

новые силы, представители которых не походили на „гамлетов“ сороковых годов, противостояли им. Неизвестные и непонятные Тургеневу, они привлекали его пристальное внимание; он старался понять их и объяснить. *И в поисках этого объяснения он уподобил их Дон-Кихоту»* (курсив наш. — Ю. М.) [10, с. 135].

Из социальной локализации обоих персонажей следует вывод об их противоположном историческом значении: в одном случае (Дон-Кихот) — преимущественно позитивном; в другом (Гамлет) — преимущественно консервативном и даже «вредном». С этим связывается и противоположность тургеневского отношения, различие в эмоциональном тоне, в нравственной атмосфере, окружающей как тот, так и другой образ. Возникающая при этом некая сложность и непоследовательность авторского отношения объясняется социальной подоплекой — скажем, тем, что Тургенев, будучи выходцем из того же самого либерально-дворянского слоя, ощущал «свое внутреннее родство» с Гамлетом и вынужден был преодолевать свою симпатию к нему.

Между тем при подобной локализации многое в тургеневской типологии остается необъяснимым. Вот, например, такое свойство персонажа: «Дон-Кихот глубоко уважает все существующие установления, религию, монархов и герцогов...» [1, т. 8, с. 188]. Если он задуман как революционер, представитель нового поколения русской демократической интеллигенции, этот штрих выглядит просто неуместным. Ю. Д. Левин объясняет противоречие тем, что в Дон-Кихоте «своеобразно объединялись и отзвуки дворянской революционности, сочетавшейся у большинства декабристов с признанием необходимости монархии, и либерализм 60-х годов» [10, с. 143]. Однако подобное объединение черт как раз и противоречит исходному тезису — будто бы в Дон-Кихоте писатель хотел зафиксировать отличие «новых людей» от предшествующего поколения. Косвенно же это объяснение признаков свидетельствует как раз о том, что антитеза — Дон-Кихот и Гамлет — не сопровождалась строгой политической и исторической конкретизацией.

Оговоримся с самого начала: для своей классификации, для лепки обоих образов Тургенев пользовался — не мог не пользоваться! — строительным материалом самой действительности, психологическими чертами тех или других наличных социальных типов. Созданная же художником картина, со своей стороны, предоставила возможности — не могла не предоставить! — для различных злободневных применений и выводов. Однако исходный материал, возможность злободневных применений и сущность авторской концепции — вещи не однозначные. У писателя было свое право возвышаться над историческим материалом, над существующими типами, комбинировать психологические черты, создавая характеры в интересах развиваемой классификации. Последняя хотя и давала повод для различного рода злободневных применений, однако не сводима к ним, так как строилась на своих собственных, более глубоких основах.

2

Обратим внимание на то, чем больше всего поразила современников статья Тургенева, в чем она нарушила «горизонт ожидания» (Erwartungshorizont). Прочитанная 10 (22) января 1860 г. в Петербурге в Обществе для вспомоществования нуждающимся литераторам и ученым и почти одновременно опубликованная в «Современнике» (1860, № 1), статья привлекла к себе внимание непривычной и, как многим показалось, неоправданно высокой оценкой Дон-Кихота. «... Нам кажется, что здесь автор уж чересчур увлекся своею симпатиею и потому не остался чужд некоторого пристрастия», — писал рецензент «Санкт-Петербургских ведомостей» [11, с. 289]. Еще определеннее высказался впоследствии П. Л. Лавров